

УДК 39+37.01

Чеснокова Н.В.
Chesnokova N.V.

Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России

Ethnocultural aspects of Chinese students' adaptation in Russia

---

В статье рассматривается ряд основных этнокультурных особенностей китайцев через призму их адаптационного потенциала – соционормативная культура, менталитет, этническая психология, религия и пр. Речь идёт об особенностях социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в России и о том, как те или иные характеристики этнической культуры соотносятся с эффективностью данных адаптационных процессов.

Ключевые слова: *адаптация, китайцы, студенты, этническая культура, этническая психология*

The article shows a row of basic ethnocultural particular qualities of the Chinese – socionormative culture, mentality, ethnic psychology, religion, etc. – from the point of view of their adaptive potential. We mean the specific of Chinese students' sociocultural adaptation in Russia and a correlation of the ethnic culture's characteristics with the adaptive processes effectiveness.

Key words: *adaptation, Chinese, students, ethnic culture, ethnic psychology*

Китай принадлежит к числу тех стран, которые в значительной степени занимают умы людей и возбуждают интерес. При этом практически любое представление об этой стране начинается с осознания её уникальности, особенности, непохожести. Научно-популярные работы о Китае, издаваемые на Западе и в России, начинаются примерно одинаково. Например: «Начало этой книги там, где у китайских книг бывает конец. Вот уже тысячи лет китайцы читают справа налево и, значит, от конца к началу. Что, в сущности, не соответствует истине, ибо там, где у нас конец, – у них начало. Если надо улыбнуться в фотоаппарат, они не говорят по-английски «сыр», но по-китайски «баклажан». Суп они не едят, а пьют, и делают это не перед едой, а после. Фамилия у них предшествует имени. В их сердце живёт разум, цвет их траура – белый». [6, с. 3]. И хотя автор книги – европеец, вся эта несхожесть действительно и по отношению к российской культуре. Насколько же сильно она влияет на процессы социокультурной адаптации и в каких именно своих проявлениях?

На формирование личности в соответствии с правилами китайской цивилизации большое влияние оказало учение Конфуция. Нравственный идеал конфуцианства – личное совершенствование, неустанное

ЧЕСНОКОВА Надежда Владимировна, старший преподаватель Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир). **E-mail:** cnadezhda@yahoo.com

«превозмогание себя», подвижничество, в котором человек духовно мужает, очеловечивает сам себя, притом делает это непременно в общении с другими.

Конфуцианские нормы поведения на первое место выдвигают уважение к старшему, преклонение перед его авторитетом и подчинение ему. Отношения в обществе структурируются с помощью специальных правил «ли». Понятие «ли» стало высшим символом ритуализированной этики, превратилось в наиболее общую характеристику правильного, даже идеализированного социального устройства и поведения человека. В современном Китае концепции «ли» не утратили своего значения, что нашло своё отражение в особенностях поведения в общественных местах, в отношениях с родственниками, друзьями, незнакомыми людьми.

Вообще, идея совместного гармоничного сосуществования людей является центральной для китайской культуры. «Любой китаец на вопрос о том, что для китайцев есть высшая ценность, не задумываясь, ответит: согласие, или гармония (хэ) между людьми. ... речь идёт об общении, которое основывается на природной данности жизни, но артикулируется и регулируется посредством того, что в Китае называют «ритуалом» (ли), то есть определённым действием, одновременно нормативным и символическим» [5, с. 17]. Приверженность идее «ритуала», осознанная или неосознанная, облегчая жизнь китайцев у себя на родине, осложняет их полноценное вхождение в инокультурную среду. Поскольку им неведомы или недостаточно известны столь значимые для них нормативно-символические коды чужой культуры, зачастую они предпочитают замкнуться в рамках своего сообщества, в том числе, чтоб не потерять своё «лицо». Особенно трудно это в ситуациях, подобных той, что сложилась сегодня в России, когда система норм и правил, кодов и символов находится в стадии трансформации, сложения, а потому и у самих россиян зачастую возникают сложности, связанные с её освоением.

«Этика лица» играет огромную роль в китайской соционормативной культуре. Суть её заключается в осознании чувства собственного достоинства и достоинства других. Забота о «лице» ведёт к формированию стремления избежать конфликта в межличностных отношениях. Избегание конфликта, поддержание социальной гармонии выступают в традиционной этической системе китайцев и как весьма значимые самостоятельные ценности. Сохранение «лица» играет важную роль в жизни современных китайцев. Для них свойственно стремление сохранить устоявшиеся связи, избегать конфликтов, проявлять уступчивость [1, с. 134-135].

Особенности соционормативной культуры тесно связаны с важным для китайцев противопоставлением по принципу «свои» – «чужие», продолжающим играть довольно существенную роль. Сторонники конфуцианства полагали, что природа человека не позволяет ему распространить привитые в семье чувства любви к ближнему на всех людей. По словам заведующего Отделением иностранных языков Шенцзэнского университета, «деление на «своих» и «чужих», на членов группы и тех, кто ими не является, существенно в жизни китайцев. Осуществляется деление на китайцев и иностранцев, на работников, членов коллектива, и людей за его пределами. Для китайцев коллега есть коллега, друг есть друг, а иностранец есть иностранец. Это три разных идентичности и роли, которые не должны смешиваться. Иностранным друзьям приходится проделывать длинный путь, чтобы стать в Китае «своими»» [7, с. 366-367].

Культурная отчуждённость, замкнутость, нежелание интегрироваться являются в том числе одной из немаловажных причин настороженного, порой предвзятого отношения к китайцам, проживающим в России. Интересно, что число китайцев, получивших российское гражд-

данство через брак с гражданами России, ничтожно мало: сотни человек в масштабах страны [3, с. 339].

Китайский социум, таким образом, включает в себя три сферы отношений. Внутренняя сфера представлена в первую очередь семьёй, естественным жизненным коллективом, в рамках которого поведение индивида определяется понятиями о безусловном нравственном долге. Внешняя сфера – устойчивые связи профессионального, делового или личного характера, где отношения строятся на основе взаимной выгоды. Самая внешняя сфера, по существу асоциальная, – круг незнакомых и посторонних людей. По отношению к ним нет никаких «человеческих обязательств». В этом отношении интересен случай, приведённый В. Малявиным. «Помню, как в свой первый приезд в китайскую деревню я стал по русскому обыкновению здороваться с местными жителями, которые в ответ проходили мимо с каменными лицами. Видя моё недоумение, мой спутник, уроженец этой деревни, сказал мне: «У нас не принято здороваться с незнакомыми людьми». А ведь речь шла об односельчанах, которые, несомненно, знали друг друга в лицо. Разгадка проста: не следует обращать внимания на того, с кем тебя не связывают «человеческие обязательства»» [5, с. 25].

Здесь отметим замечания, высказываемые в ходе проведённых исследований как российскими, так и иностранными студентами по поводу нередко возникающих трудностей сосуществования со студентами из Китая в условиях общежития, связанных с игнорированием этих самых норм общежития. Хорошо эту особенность поведения иллюстрируют слова гонконгского социолога Сунь Лунцзи (хотя, к счастью, далеко не всегда эти поведенческие особенности принимают какие-то крайние формы и проявления): «Можно сказать, что с самого рождения китаец вовлечён в сеть межличностных отношений, которая определяет и организует его существование, контролирует его сознание. Когда китайский индивид не находится под контролем сознания окружающих, он становится самым эгоистичным из людей, живёт совершенно беспорядочно и втягивает в этот беспорядок других».

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что этническая культура, и в первую очередь её соционормативная составляющая, предрасполагает китайцев, попавших на относительно длительный срок в иноэтническую среду, скорее к аккомодации, нежели чем к социокультурной адаптации. То есть к псевдоадаптации, компромиссу, достигаемому на внешнем уровне путём примирения с окружающей действительностью при сохранении социальной дистанции. Подтверждением тому служит, как правило, невысокий уровень социальной активности китайских студентов. Часто сохраняется дистанцированность и замкнутость внутри этнической группы. Преподаватели, работающие с китайскими студентами, отмечают свойственное им чувство превосходства собственной культуры, скрывающееся, впрочем, за традиционной вежливостью и почтительностью, что соответствует вышеизложенному. Среди китайских студентов редко встречаются лидеры, люди, встающие во главе интернациональных объединений и мероприятий.

Существенное влияние на традиционную китайскую соционормативную культуру оказали «культурная революция» 1965-1976 гг. и эпоха рыночных реформ конца 1970-х – начала 1990-х гг. Стереотипы мышления, нормы поведения «культурной революции» привели к тому, что китайцы стали где-то более жестокими, даже грубыми [2, с. 38]. Переход к рыночной экономике, по мнению многих китайских исследователей, привёл к тому, что «стоило открыть ворота своекорыстным интересам, и сразу хлынул поток эгоизма, который невозможно остановить; в результате прежние морально-нравственные нормы, основу которых составляет

«альтруизм», игнорируются и принижаются» [1, с. 136]. Отсюда логично вытекает вопрос о степени преемственности между представлениями о должном в сознании современных китайцев и в китайской традиции. По результатам анализа социологами КНР системы нравственных ценностей у современных молодых китайцев была выделена следующая иерархия наиболее важных для респондентов моральных ценностей: честность, патриотизм, почитание родителей, цельность, выполнение обещаний, вежливость, скромность, чувство благодарности. Эти данные в целом подтверждают приверженность молодёжи традиционным китайским обычаям и порядкам.

Приведённым данным соответствуют и результаты исследований ценностей студентов, проведённых на базе Владимирского государственного университета. Согласно опросам, пятёрку приоритетных ценностей составляют (в порядке убывания) родительская семья, здоровье, чувство гордости за свой народ, собственная семья, гуманные отношения между людьми. Данные ценностные ориентиры демонстрируют преобладание коллективистского типа личности. Как видно, и после относительно длительного пребывания за рубежом ценностные основания, традиционно характерные для китайского общества, сохраняются в сознании студентов.

Для китайцев характерна очень сильная религиозная оторванность от инокультурной среды, несмотря на достаточно широкое увлечение различными элементами восточных культов, бытующее среди местного населения. Студенты из Восточной Азии в целом характеризуются низким уровнем религиозности. У них отсутствуют места массового отправления ритуалов, практика массового отмечаания праздников религиозного характера. Практикуется лишь индивидуальное поклонение и отправление элементарных ритуалов в своих жилых помещениях.

Отношение китайцев к религии соотносится с особенностями их национального характера, с их психологией. По выражению Линь Юйтана, «китайцы – отъявленные реалисты». Суть идеального китайского характера – здоровое отношение к жизни и человеческой природе. А отсюда проистекают миролюбие, удовлетворённость жизнью, невозмутимость, живучесть. Также в русле конфуцианской традиции сила характера – это ещё и сила интеллекта. С этой точки зрения положительным является выявленный в результате опросов китайских студентов показатель, согласно которому именно интеллектуальные качества россиян китайцы оценивают наиболее высоко.

В продолжение рассмотрения вопроса особенностей китайского национального характера сразу подчеркнём, что по целому ряду ключевых моментов китайский и русский национальные характеры являются чуждыми друг другу, а следовательно, с трудом понимаемы представителями двух народов. Что, впрочем, не отменяет наличия и определённых точек пересечения. К тому же на протяжении XX века и русский, и китайский национальные характеры, будучи во многом порождением определённых социальных, культурных, политических условий, претерпели целый ряд трансформаций и продолжают претерпевать их сегодня. Национальный характер – явление хоть и достаточно статичное, но всё же изменяющееся. Вопрос заключается в принципиальности изменений и наличии проблемы сохранения собственной идентичности. Думается, что по отношению к китайской нации эта проблема на сегодняшний день не стоит слишком остро. По сути, оправдывается прогноз, данный Линь Юйтаном при описании китайской психологии в 30-х годах XX века, согласно которому даже в случае разрушительных перемен, подобных установлению коммунистического режима, традиционные качества китайского характера скорее и вернее победят коммунизм, изменят его

до неузнаваемости, чем коммунизму с его социалистическим, обезличенным и бескомпромиссным мировоззрением удастся сломить эти древние традиции. Это подтверждается и вышеприведёнными данными анализа ценностных установок современной китайской молодёжи.

О каких же традиционных чертах китайского характера говорит Линь Юйтан? Китайцы здравомыслящи. Китай – это древняя цивилизация древней нации, которая постигла смысл жизни и не стремится к тому, что недостижимо. Китайцы терпеливы, они живут по линии наименьшего сопротивления и наименьшей борьбы. Китайцы – «самый расчётливый и эгоистичный народ», они «смотрят на жизнь как на фарс» и «ни к чему не могут относиться серьёзно». «Китайцам недостаёт таких замечательных качеств западных людей, как великодушие, честлюбие, развитое общественное сознание, готовность к риску и героизм. В этом мире их интересует самая что ни на есть банальная жизнь. У них есть упорство, безграничное терпение, неутомимое трудолюбие, чувство долга, уравновешенный склад ума, здравый смысл, жизнерадостность, юмор, терпимость, миролюбие, а также бесподобное умение чувствовать себя счастливыми даже в самых тяжёлых условиях».

Китайский характер противоречив. «Конфуцианцы относятся к жизни позитивно, а даосы – негативно (... буддизм – это просто даосизм, слегка подкрашенный остроумием), и сплав этих двух элементов породил бессмертное явление – китайский национальный характер... Конфуцианство в нас создаёт и борется, а даосизм наблюдает и усмехается».

С некоторыми из этих утверждений можно поспорить. В частности о «бесподобном умении чувствовать себя счастливыми». Ни исследования проведённые автором среди китайских студентов, ни исследования, проводимые на международном уровне (например, The World Values Survey Association) не демонстрируют того, что китайцы чувствуют себя на порядок счастливее представителей других наций [8]. Но китайскому характеру, действительно, свойственна оптимистичность. Во многом она связана с идеей о том, что каждый рано или поздно получит по заслугам, с верой в неотвратимость справедливого воздаяния, причём уже в этой жизни, в людском мнении или молве, исключительно для китайцев важных.

С другой стороны, с большинством черт, выделенных Линь Юйтаном, трудно не согласиться, они подтверждаются результатами современных исследований, и многие из них, как упоминалось, составляют оппозицию признанным чертам российского характера. Бережливость – щедрость, «эгоизм» – способность к самопожертвованию, бесстрашие – страстность и др. Русский народ тоже умеет долго терпеть и много трудиться, ему нельзя отказать в здравом смысле и юморе, его история не менее сложна и драматична, пусть и гораздо менее продолжительна. Народы роднит и имперское сознание. Во многом похожи, но ещё в большем разные. В русском сознании если не отсутствует, то совершенно не преобладает, не играет сколь-нибудь существенной роли интерес «к самой что ни на есть банальной жизни». А потому многие явления, понятия, общие для двух народов – труд, терпение, долг – наполняются зачастую разными смыслами. Здесь мы сталкиваемся с межцивилизационными противоречиями, во многом, если не в основном, сформированными различными духовно-религиозными традициями. Речь идёт о различии в глубинных мировоззренческих позициях, закреплённых и не закреплённых в сознании идеалах, основах, на которых выстраивается повседневная жизнь и взаимоотношения между людьми.

Если оперировать понятиями Макса Шелера, созданными им в рамках концепции о трёх видах знания, то мы увидим, что китайская культура пронизана стремлением к философскому, или образователь-

ному, виду знания – знанию, служащему становлению человека. Российская культура – стремлением к религиозному, или спасительному знанию.

Итак, китайцев, и в частности китайских студентов, можно одновременно назвать и хорошо, и плохо адаптируемыми, в зависимости от содержания понятия адаптация. Такие их качества, как терпеливость, умение стойко переносить жизненные трудности, сохранять лицо в любой ситуации, оптимистичный жизненный настрой, способствуют уменьшению психологического напряжения в новой среде. Показательны результаты исследования на основе шкалы социокультурной адаптации. Средний результат по поводу испытываемых в России трудностей – 2 по пятибалльной шкале, т.е. есть незначительные трудности. Китайцы определённые трудности связывают по преимуществу лишь с тремя сферами (в порядке убывания): пониманием российской политической системы, пониманием российских взглядов на мир и выражением своих мыслей. Трудности в выражении своих мыслей, связанные с языковым барьером, и в понимании инокультурных взглядов на мир типичны для иностранных студентов из любого региона. Главенство трудностей понимания российской политической системы так же не выглядит случайной. Здесь интерес китайцев к российской политической системе как таковой, связанный с историей российско-китайского взаимодействия, дополняется низким уровнем политической культуры самих россиян, что не способствует прояснению картины. Хотя в общем и целом китайские студенты отнюдь не склонны к политизированности.

Что касается уровня социальной поддержки, ощущаемой китайскими студентами, то он также достаточно высок – 3,4 по пятибалльной шкале. То есть большинство китайцев имеет ввиду несколько человек, которые могли бы оказать помощь в той или иной затруднительной ситуации или просто морально поддержать. Это также способствует снятию психологического напряжения. Учитывая, что процесс корреляции социокультурной и психологической адаптации составляет 0,4-0,5, это хороший показатель. Не наблюдается у китайских студентов и ярко выраженных проблем с физиологической адаптацией.

Но, с другой стороны, социокультурная адаптация китайцев, как правило, выглядит неполной с учётом таких её важнейших характеристик, как смысловая и социальная целостность, встречная активность личности и окружающей среды, творческое взаимодействие с окружающей средой. Потому в большинстве случаев мы можем говорить либо о подмене адаптации псевдоадаптацией, аккомодацией, либо о застревании на какой-либо стадии адаптации. Например, на стадии приноживания. При наличии ряда субъективных признаков, демонстрирующих социокультурную адаптированность, наблюдается мало объективных признаков. Китайцы не были склонны никогда и не склонны сейчас обмениваться той уникальной информацией, которая составляет основу их этноса и обмен которой составляет основу межкультурного диалога. Также им, в силу цивилизационных особенностей не особенно интересна информация, несомая, воплощаемая другими этносами. Аккультурация среди китайцев, как правило, незначительна.

Литература

1. Афонасенко Е. Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. 2004. №1. с. 131-143.
2. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского учёного. М.: Изд-во института философии РАН, 2000. 206 с.
3. Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. 383 с.
4. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Вост. лит-ра, 2010. 335 с.
5. Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 304 с.
6. Штритматер К. Инструкция по применению: Китай. М.: Аякс-Пресс, 2006. 256 с.
7. Agelasto M. Educational Disengagement: Undermining Academic Quality at a Chinese University. Hong Kong, 2001.
8. Happiness trends in 24 countries, 1946-2006. [Электронный ресурс]. URL: www.worldvaluessurvey.org.